

XXVII

Где остальные товарищи? Кем заняты важные посты?

Ни одного известного человека. Все люди, взятые случайно из Центрального комитета. В суматохе боя некогда было выбирать. Важно было водрузить пролетарское знамя там, где развевалось знамя буржуазное... Любой юнга может это сделать не хуже капитана.

– Не знаете, кто в министерстве внутренних дел?

– Ни черта не знаю! – говорит один из командиров. – Подите узнайте, Вентра; оставайтесь, если там никого нет, помогите товарищам, если они в затруднении.

– Это, кажется, на площади Бово?

Я не уверен. Но, по-моему, именно туда мы ходили на другой день после 4 сентября повидать Лорье по поводу кого-то, кто был арестован новой республикой, не помню уж за что.

В министерстве внутренних дел «подписывает» Грелье, хозяин прачечной, славный малый; я знавал его на высотах Бельвилля. Он был моим импровизированным помощником в ночь 31 декабря в мэрии Ла-Виллетт.

Он подписывает приказы, изобилующие варваризмами, но зато пропитанные самыми революционными намерениями. Водворившись здесь, он объявил грозный поход на грамматику.

Его стиль, удвоение согласных, пренебрежение к причастиям и их согласованию, его росчерки пера в окончаниях множественного числа – все это дало в его распоряжение целый полк с пушкой.

Все чиновники, не удравшие к версальцам, начиная с начальника канцелярии в потрепанном сюртуке и вплоть до курьера в парадной ливрее, испытывают страх перед этим человеком, так бесцеремонно расстреливающим орфографию и поставившим к стенке Ноэля и Шапсаля[180]. Кто знает, не относится ли он с таким же презрением и к человеческой жизни!

Он кидается ко мне и обнимает меня.

– Какое счастье, старина, – говорит он, – что придет Вайян, а то я уж сыт по горло! Какая скука быть министром! А ты нигде не министр?

– Ну нет...

Я уже собирался уходить, как вдруг увидел, что между створок открывшейся двери просунулась голова одного из сотрудников «Фигаро», Ришбура. Он был секретарем конторы газеты, когда я работал там хроникером. Покончив с цифрами, он набрасывал планы романов, рассчитывая продать их в один прекрасный день по три су за строку.

Его прислал Вильмессан с просьбой отменить постановление о запрещении газеты.

Он ссылается на свободу печати, взывает к моему заступничеству.

Я не обладаю такой властью, любезный!

Безыменная сила, завладевшая Парижем и издающая прокламации и декреты, не повинуется г-ну Вентра, журналисту и стороннику самой полной свободы слова. Конечно, я того мнения, что даже под грохот пушек, в разгар восстания типографским мушкам должно быть позволено^[181] бегать, как им заблагорассудится, по листам бумаги; и я хотел бы, чтобы «Фигаро», предоставлявший мне долгое время свободу, тоже пользовался ею.

Но Грелье протестует.

– Свободу «Фигаро»? Да что вы! Эта газета только и знала, что высмеивала и обливала грязью социалистов и республиканцев, когда они не могли защищаться. Она всегда была на стороне шпииков и солдафонов, стояла за аресты и уничтожение тех, кто устроил сейчас революцию.

Бельвиллец воодушевляется и входит в азарт:

– Да вот вам: я помню, как однажды Маньяр^[182] написал, что для установления спокойствия необходимо отобрать человек пятьдесят агитаторов среди рабочих и богемы и отправить их в Кайенну, на каторгу. И сейчас, если б я думал, как он, если б я был таким же негодяем, – я велел бы засадить в Мазас и Вильмессана и вас, всю банду! Вы требовали, чтобы нас арестовывали, чтобы закрывали наши газеты. Мы выполняем только наполовину вашу программу... и вы уже жалуетесь. Убирайтесь-ка отсюда, да поживее! Другие, может быть, не были бы так великодушны. Проваливайте, это будет самое благоразумное.

Сотрудник «Фигаро» исчез. Я попытался было защищать свое мнение.

- Ты, Вентра, помалкивай!.. Если б тебя услышали федераты, они возмутились бы и взяли бы тебя под подозрение. Подумай только: эта газета смотрела на них, как на добычу для каторги, и вдруг она получит право снова выходить, чтобы снова осыпать их оскорблениями!.. Да ведь любой сержант со своей ротой, не ожидая нашего приказа и не считаясь с нашими протестами, схватит этих редакторов и расстреляет их без лишних слов. Тебе этого хочется?

Он совсем разгорячился, и все окружающие тоже пришли в сильное возбуждение.

Часовой, чей штык поблескивал за окном, остановился, чтобы послушать, и, когда «министр» кончил, я увидел, как дрогнуло его ружье, отбросив черную тень на залитую солнцем стену. Человек молча взял на прицел и жестом показал, что уложит всякого, кто вздумает развязать язык оскорбителям бедняков.

- А знаешь, кто в министерстве народного просвещения?

- Как же! долговязый Рулье[183]

Рулье - здоровый малый лет сорока, крепкого сложения; на лице его всегда следы похмелья. Он ходит вразвалку, задрав нос кверху; носит гусарские штаны, шапку набекрень. На ходу размахивает руками и ногами, будто расчищает дорогу для идущего за ним народа. Невольно ищешь в его руках жезл первого товарища компаньонажа или палочку барабанщика, которой он вот-вот взмахнет над целым батальоном бунтарей.

Он - сапожник и революционер.

- Я обуваю людей и разуваю улицы, - говорит он.

В орфографии он не сильнее своего коллеги из министерства внутренних дел. Зато в истории и политической экономии этот сапожник сведущ больше, чем все дипломированные особы, в чьих руках перебивал портфель, - тот портфель, что он еще позавчера ощупывал с видом человека, понимающего больше в опойке, чем в сафьяне.

Наващивая дратву или прокалывая шилом кожу, он в то же время следил за нитью великих идей и выкраивал из республики мыслителей свою собственную.

Он умел на трибуне придать блеск и выпуклость своим фразам, как передку башмака, заострял шутку, как носок ботинка, вбивал в головы слушателей свои аргументы, как гвозди в каблуки. В его ораторском инвентаре имеется и фантазия и основательность, так же как в его саржевом мешке, в котором он разносит заказы, вы найдете и туфельки маркизы, и сапоги каменщика.

«Трактирный» трибун, забавный и в шутках и в гневе, маниак дискуссий, одинаково красноречивый и перед стойкой и в клубе, он всегда готов опрокинуть стаканчик, защищая все свободы... и свободу выпивки наряду с другими.

- Есть только два вопроса. Во-первых: интересы кап'тала.

Он произносит это слово, как двухсложное. Глокает «и» с наслаждением человека, уничтожающего своего противника.

- Во-вторых: автономия! Вы должны знать это, Вентра, ведь вы были в школе. Бакалавры говорят, что это слово греческого происхождения. Они знают, откуда оно идет, но вот куда приведет, - этого они не знают.

И он посмеивается, потягивая винцо.

- Объясните-ка мне, пожалуйста, что это за штука автономия, - говорит он, вытирая бороду.

Все ждут ответа.

Среди наступившего молчания он повторяет:

- Что до меня, так я за всякую автономию: кварталов, улиц, домов...

- И винных погребов?

- Еще бы!..

Мне любопытно поглядеть на него при исполнении обязанностей, и я отправляюсь на улицу Сен-Доминик.

- Вы хотите видеть Великого магистра?[184] - спрашивает меня швейцар с серебряной цепью, видя, что я блуждаю по коридорам.

Великого магистра? Смеется он, что ли, надо мной?

Тем не менее я утвердительно киваю головой с видом важной особы.

Он ведет меня по лестнице.

Табачный дым, крики.

- Да говорят же вам, что я никогда не играю партии вчетвером. Я оказался бы тогда, как каторжник, прикован цепью к субъекту, с которым должен был бы действовать заодно. Нет,

нет! Каждый за себя: автономия!

Стук бильярдных шаров.

- Вот видите, так бы мог сыграть шар и ваш партнер!

- Да. И что же? Я должен был бы быть ему признателен за это? Расчувствоваться? Предпочитаю быть автономным, мой милый.

- И потом, где же тут была бы выгода... интересы кап'тала, - говорю я, входя.

Меня похлопывают по животу и наполняют рюмки ромом.

- Вам должен нравиться этот напиток, - он здорово пахнет кожей.

- А вы предпочитаете сосать вашу чернильницу, а? Эх вы, чернильная душа!.. Да и чего вы сюда явились? Желаете выставить нас за дверь?

Он опрокидывает еще рюмочку и говорит:

- Мне на это наплевать. Я хоть и сапожник, а вошел сюда первым, словно какой-нибудь сорбонец, и был почтительно принят всей челядью канцелярии министерства. Мы намерены ввести «кожу»[185] в хранилище французского языка и вышить пинком все традиции.

- Скажите, Рулье, кто вас сюда назначил?

- Вот тоже!.. Неужели вы думаете, что я получаю какие-то приказы и стал настоящим чиновником? Мне нужно было сдать в этом квартале заказанную обувь. Увидев вывеску на министерстве, я решил зайти сюда. Кресло было свободно, я уселся в него - и вот сижу до сих пор!.. Эй вы, там, человек с цепью, вас не затруднит сбегать в колбасную за жареной ножкой для меня и студнем для Тельера?.. Мы поедем здесь. Вы закусите с нами, Вентра, выкладывайте-ка вашу долю!

И он протянул кепи, собирая на завтрак.

- Мы уже истратили деньги, выданные Комитетом, - пять франков на человека. Теперь приходится устраиваться на свой счет.

Угощались мы в кабинете министра; а так как нас было человек пять-шесть и свинина была обильно залита вином, то события дня обсуждались очень горячо.

- Добьемся мы своего или не добьемся?

